

Eco STUDY

Знания + Умения = Работа

Издается с октября 2002 года

E-mail: Ecostudy@mail.ru

ЧИТАЙТЕ СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

ДЕТИ ИЗ ПРОБИРКИ

Первое время большинство стеснялось признаваться, что стали родителями благодаря помощи врачей. Дело было новое и вызывало много пересудов.

ЧУВСТВО ВЕРЫ:

Вера в национальную идею КАЗАХИ МАРТИНАЛЫ

Понимаете, вся проблема состоит в том, что все эти процессы носят очень противоречивый характер. С одной стороны, развивается либеральная экономика, которой у нас никогда не было. Мы как бы понимаем с вами первичность экономических интересов по отношению ко всему остальному.

СОВЕТЫ СПЕЦИАЛИСТА:

НАШ ДРУГ КОМПЬЮТЕР

Hardware и software

Действительно получается, компьютеры – это одна из самых «горячих» тем. Выходит огромное количество книг, пишутся кучи программ, организуется множество различных учебных центров, требование «знания компьютера» почти везде является обязательным при приёме на работу, но при всём при этом 99% использования компьютеров – это печать документов и игрушки.

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

ОТКУДА ПРОГНОЗЫ?

Около 7 миллионов человек в Казахстане живет в районах, где опасность землетрясений оценивается как серьезная. Здесь сосредоточено свыше 400 городов и населенных пунктов, в том числе крупнейший промышленный и культурный город страны Алматы.

ВАКАНСИИ

от работодателей

и агентств

МИНИ-РЕЗЮМЕ

от соискателей

Быть хорошим – это очень
изматывает человека.

Прием объявлений:

№

г. Алматы: тел./факс: 8 (3272) 91-44-44

г. Шымкент: тел.: 8 (3252) 50-03-20, 56-81-81

Последний срок приема объявлений – среда до 13.00

Чувство веры

Вера в национальную идею

МЫ МАРГИНАЛЫ

От редакции:

На страницах нашей газеты мы уже публиковали дискуссионный материал, в котором речь шла о проблемах казахского самосознания и культурной идентичности. Были публикации таких авторов, как Гарифолла Есим, Александр Хамидов («Казахская философия от А呐хисса до Гарифоллы Есима», Eco Study, № 23(35), 2003), Азимбай Гали («От этноцентризма к лингвокультурному простота замысла и сложность исполнения», Eco Study, № 27 (39), 2003), где обсуждался вопрос о казахском маргинализме, о главных героях казахстанской политической сцены и о том, существует ли такое культурное явление как казахская философия. Спор оказался весьма жарким. В порядке обсуждения этих весьма сложных и тонких материалов сегодня мы рады предложить нашим читателям интервью «Мы-маргиналы» с известным казахстанским ученым Нурбулатом Масановым, а также статью не менее известного ученого Нурулана Амраскулова «Жизнь в социально-политической жизни Казахстана». Надеемся, что этот материал вызовет живой отклик у тех, кому не безразличны проблемы этнической политики.

«...Казахи это маргиналы. У казахов нет героев. У казахов нет принципов. У казахов нет идеалов.

У казахов нет характера...»

По мере увеличения стажа нашей суперности, на страницах периодической прессы и интернет-изданий, появляются публикации, в которых предпринимаются попытки осмыслить пройденный нами путь. Этот процесс предполагает, прежде всего, попытку найти ответы на вопросы: «Кто мы?», «Где мы?» и «Куда мы?». Высказать свое видение этих проблем мы попросили Н. Э. Масанова. Сейчас многими он воспринимается как ярый оппозиционер. А между тем забывается, что, кроме того, он один из немногих, если не единственный, в нашей стране профессиональных этнологов. К тому же, обле-

ченный всеми сопутствующими регалиями, как-то – доктор исторических наук, профессор.

– Нурбулат Эдигеевич, как Вы можете охарактеризовать социокультурные процессы в современном Казахстане?

– Понимаете, вся проблема состоит в том, что все эти процессы носят очень противоречивый характер. С одной стороны, развивается либеральная экономика, которой у нас никогда не было. Мы как бы понимаем с вами первичность экономических интересов по отношению ко всему остальному. И это, позволяет уяснить нам, какое долговременное влияние эти экономические приоритеты будут оказывать на ход развития всего региона, страны, народа, культуры и т. д. То есть, можно сказать, что все идет как бы эволюционным порядком.

Но с другой стороны, мы видим с вами, какая деградация имеет место в сфере науки и культуры. Когда я прочитал письмо наших академиков о том, что они согласны на то, чтобы президент назначал академиков, президент принимал решение по вопросам развития науки – я был просто в шоке. Такое написать могли лишь люди, которые так и не стали настоящими учеными. Это люди, для которых пишет перед государством превыше интересов самой науки, страны, государства, цивилизации и т. д.

Одним словом, мы наблюдаем очень противоречивые процессы. В экономической сфере мы вроде бы мощно идем вперед, но в тоже время во многих других сферах жизнедеятельности общества наблюдается колossalный откат назад – в культурной, научной, образовательной. Да и в чисто человеческих отношениях, в морально-нравственном аспекте откат назад безграничный.

И в этой ситуации я все таки надеюсь, что эволюционное раз-

витие и экономические приоритеты помогут нам преодолеть все негативные тенденции, все эти шероховатости и мы рано или поздно «вырвемся на столбовую дорогу цивилизации». В этом плане я безнадежный оптимист.

Но все же, давайте более пристально рассмотрим те проблемы, которые мы с Вами затронули. В частности, развитие науки и культуры и в этом контексте уровень развития нашей интеллигенции. Часто раздаются голоса, что наша интеллигенция слабая, не выражает интересов общества. Да, это верно. Но все это связано с тем, что у нас никогда этого не было. Ни науки, ни образования, ни искусства, ни культуры, ни интеллигенции, одним словом – у нас ничего не было. У нас было простоnomадное кочевое общество. Да, в определенной степени развивались какие-то традиции, тенденции, но, все это не было выделено, не носило профессионального характера. Поэтому мы можем говорить о том, что всего этого не было у нас реально. Это было своего рода хобби nomadov – вся наша культура, искусство, музыка. Это не было профессиональным искусством в высоком смысле этого слова. И только в советское время у нас стал формироваться профессиональный подход к делу. И проблема вся в том, что у нас не сформировалась, как минимум, трех поколений интеллигенции, специалистов. Возьмем, к примеру, науку. У нас сформировалось первое поколение учених. А.Х.Маргулан, А.Н.Нусупбеков, П.Г.Галузо, Е.Бекмаханов – я называю преимущественно тех, кто творил в исторической сфере, кого я хорошо знаю с детства. К ним можно добавить Х.Аргынбаева, М.Муканова, В.Ф.Шахматова и других. Понимаете, это первое поколение, они еще, по большому счету, не являются учеными.

Потому что для того, чтобы стать настоящим ученым, надо самому учиться у кого-то. Учиться постоянно, быть рядом со своими учителями, общаться с ними, постигать их интеллектуальный алгоритм мышления.

– Быть в поиске?

Быть в поиске, но чтобы этот поиск был оптимальным необходимо, чтобы тебе подсказывали, корректировали, чтобы было с кем дискутировать. У первого поколения никогда нет точных ориентиров. Никто не может сказать, что твоя статья, дружинце, слабовата. Не хватает того-то, чего-то ты не учел, не понял и т. д. Поэтому очень важно старшее поколение, которое может передавать свой опыт и на ошибках которых можно учиться. Именно в силу этого первого поколение никогда еще настоящими учеными не является. Я ни в коем случае не хочу умалять заслуг наших выдающихся учених, они внесли огромный вклад в развитие науки в Казахстане, но они только начали, они выстраивают фундамент, но самого здания науки еще нет.

В Казахстане второе поколение учених начало формироваться примерно с середины 70-х годов. Оно конечно объективно на порядок сильнее первого. Это уже люди, которые проходили сию отбора, они проходили школу научных дискуссий, они отстаивали свое мнение в спорах и с первым поколением и между собой. И поэтому их уровень профессиональной подготовки конечно повыше. Но он еще тоже недостаточен. Для того, чтобы это стало устойчивой системой, нужно именно третье поколение, которое вбирает в себя все лучшее от предшествующих поколений. И именно тогда, когда формируется третье поколение генерации учених, тогда можно сказать, что наука, культура, интеллигенция становятся на путь самовыпроизведения, самодостаточности, устойчивости и стабильного развития. Вот этого, к сожалению, у нас не произошло. У нас как бы вторым поколением все и закончилось.

– То есть, у нас в стране нет устойчивых традиций развития науки? Да?

– Нет традиций.

– Научной школы нет?

– Научная школа в Казахстане так и не сформировалась. Потому, что первое поколение не может сформировать такую школу. Они еще сами не профессионалы, они еще, образно говоря, ремесленники. Второе поколение – это уже фактически профессионалы, но, все-таки, этого недостаточно. Они должны еще передать свои традиции и опыт. И вот этого у нас как раз и не произошло. К примеру, возьмем ситуацию со мной. Я был единственным специалистом в Казахстане по nomadному обществу. У меня есть научные труды по этой проблематике, написанные еще в советский период. Так вот у меня по проблематике nomadизма нет ни одного аспиранта.

– Почем?

– Не знаю. Наверное потому, что у нас в стране не хотят заниматься nomadизмом. Потому что меня уволили из университета. Много разных причин есть. Но глубинный смысл тут в том, что я в свое время сам ходил консультироваться не к тем, кто у меня формально был консультантом. Я ходил за консультациями к тем, кто был реальным специалистом и кто действительно разбирался и понимал эту проблематику. Формально руководителем моей кандидатской работы был Б. Сулейменов, но реальным научным руководителем был Вениамин Петрович Юдин. Я считаю – это самый блестящий казахстанский историк. Для меня он – номер один. Так вот, он не был даже кандидатом наук. И ему это не было нужно. Он просто занимался наукой, и все. Это был блестящий учений. И мы знали всех таких блестящих учених. Их было очень мало в Казахстане. Но мы знали их квалификацию и, естественно мы учились у таких учених. Он то и был моим реальным учителем, а не те, кто формально значится моими руководителями.

А сейчас..., я думаю что если бы кто-то реально интересовался казахским nomadным обществом и изучал его, они бы пришли ко мне. Пусть я не руководитель, пусть я не работаю в академии

ческих структурах. Но я ведь работал раньше и не один год по данной теме. И в Академии наук, и в КазГУ. Но желающих нет. Более того, недавно я столкнулся с парадоксальной ситуацией. Одна аспирантка с гордостью заявила мне, что она едет в США консультироваться к одной американке, которая в прошлом как раз консультировалась у меня. И при этом она не знает моих работ и она никогда раньше не обращалась ко мне.

Вообще, у нас парадоксальная ситуация сложилась в научной сфере. Мы должны понять одну простую истину, что Казахстан – страна самого большого по территории nomadизму и самого древнего nomadизма в мире! И при этом наша страна не имеет сейчас ни одного специалиста по nomadизму. Я был единственным, кто в советское время статусно и де-факто был признан таковым – это тема моей докторской. Но я ушел оттуда, я занимаюсь полиглотией сейчас. Поэтому я считаю, что в современном Казахстане нет ни одного профессионального специалиста по истории и культуре nomadного общества. Парадокс? Парадокс.

– А как Вы думаете, почему молодое поколение – студенты, аспиранты – не интересуются этой проблематикой? Может быть, все дело в том, что Вы не видите до-сторонних продолжить ваше дело?

– Нет, не в этом дело. Просто кому никто не приходит. Просто нет людей которые бы этим интересовались реально. Не важно, что я вижу или не вижу. Если бы были сотни и я не видел среди них достойного, тогда было бы понятно. Но ни одного вообще нет. Почему это происходит? Да потому, что и в советское время ведь тоже nomadизмом никто не занимался. Это была слишком сложная проблема. Все писали диссертации по советскому периоду. В 1981 году в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР сложилась парадоксальная ситуация, когда по дореволюционной истории остался лишь один специалист. Некогда это был самый

сильный отдел. Там работали такие «зубры», как Е.Бекмханов, П.Г.Галузо, В.Ф.Шахматов, Б.Сулайменов, В.Я.Басин, Ф.Маликов, А.Сабырханов и др., т. е. там было порядка 10 – 12 высококвалифицированных специалистов. Но они все были учеными первого поколения. Кстати, там же работали еще и В.П.Юдин с Ю.А.Зуевым. Но они никого не успели подготовить себе на смену. И получилось как-то так, что они все разом либо ушли из этого мира, либо покинули Институт. И в 1981 году в отделе дореволюционной истории остался лишь один человек – И.В.Ерофеева.

Я в то время работал в отделе этнографии и был единственным молодым сотрудником. Меня воевавшим решением перекинули в отдел дореволюционной истории. И вот мы оказались отделом из двух человек, т. е., все традиции были прерваны. Мы, представители второго поколения, два человека – были специалистами по дореволюционной истории. Пара-доксальная и где-то даже абсурдная ситуация.

Ведь тогда все или почти все занимались и писали диссертации исключительно по истории КПСС и советского общества. Помню, когда в Москве я проходил докторантуру в Институте этнологии и антропологии им.Миклухо-Маклая, рассматривалось и обсуждалось предложение о том, чтобы аннулировать все диссертации по истории КПСС и гражданской истории советского периода. В ВАКе (Высшей Аттестационной Комиссии) дали справку, что 98 % историков запицались по этим специальностям. Представляете, практически вся страна разом осталась бы без специалистов в исторической сфере.

– Но, тем не менее, в прибалтийских странах на это решились.

– Наверное, и нам надо было пойти по этому пути – наука была бы здоровее. Еще один парадокс: за 70 лет советской власти по этнографии у нас было всего три доктора наук – Х. Аргыбаев, М. Муканов и ваши покорный слуга. Что происходит за 12 лет сувенирите: защищено что-то око-

ло полутора десятка докторских диссертаций по этнографии. Представляете?! За десять с небольшим лет – такое количество. Это же полный абсурд! Происходит полнейшая девальвация научных знаний. Это профанация. Происходит снижение научных стандартов, уровня предъявляемых требований. Раньше, защита докторской диссертации означала создание нового научного направления и, соответственно, формирование какой-то научной школы. Нынешние же докторские диссертации и близко к этому не стоят – ни о каких новых научных направлениях не стоит даже вести речь. Вот какая ситуация складывается у нас в стране. А если такая ситуация складывается в исторической науке, то по-моему, это показатель полного краха. Казахстан должен был бы создать Институт по изучению проблемnomадизма. Потому что, повторюсь, мы – страна самого большого, самого древнего и самого известного в мире номадизма. Государство обязано этим озабочиться и оказать этой идее всевременную поддержку. Но этого нет. Разве это не ситуация полностью хаоса и кризиса в науке?!

Такие вот у нас противоречивые тенденции в сфере научного знания. Экономика развивается, средний класс худо-бедно формируется, буржуазия складывается, новые жизненные стандарты определяются, достаток населения имеет тенденцию к росту и, как бы, уровень самоуважения людей тоже проявляет аналогичную тенденцию. Но в то же время уровень образования катастрофически падает, наука деградирует, культура и искусство умирают на глазах. Ни в одной сфере жизни нет третьего поколения. И в этом вся проблема.

– А можно предположить, что это временные издержки?

– Конечно временные. Я тоже надеюсь и верю в это. Но если мы сейчас потеряем традиции второго поколения, и они не смогут передать их формирующемуся третьему, значит, третья станет снова первым. Линия развития науки прервется и все придется

начинать сначала.

– И что же получится?

– Произойдет просто откат на пятьдесят лет назад. И снова будет идти медленный эволюционный процесс. Наверное, для нормального эволюционного развития это не страшно. Но для страны, для людей в конкретно-исторических условиях, я считаю – это катастрофа. Поэтому очень важно обеспечить преемственность, передачу, ретрансляцию традиций второго поколения новому формирующемуся поколению. И это очень важно. Это один из залогов успешного цивилизационного развития нашей культуры, науки, нашего народа.

– Поскольку это об щемировая тенденция – интеллектуализация жизни?

– Конечно. Очень важно понять, что нельзя заменить технократическими знаниями – знания интеллектуальные. Технократические знания, технократическое мышление являются только лишь одной из форм проявления интеллектуального мышления. Но они не могут исчерпывать все формы и все многообразие интеллектуального мышления. Тем более такие сложные абстрактные формы как общественная мысль, гуманистические науки и т. д.

– Давайте переместимся немного в другую плоскость, по принципу – от общего к частному. Что есть в вашем понимании категории «культура степи»? Об этом много говорят, много пишут, но как-то звучит это все не очень конкретно, с налетом не всегда понятного пафоса что ли.

– Да, я понимаю вас, потому что я тоже в не безвоздушном пространстве живу, и в какой-то мере все это на меня тоже влияет. Важно понять, что те, кто говорит и пишет о культуре степи, как бы пытаются придать степной культуре некое самостоятельное, некое феноменальное явление. Своего рода феноменологический характер. Они пытаются придать ей некий уникальный цивилизационный аспект. На самом деле это все далеко от истины.

Давайте говорить о культуре как бы в высоком смысле этого

слов, а не о культуре как механизме внебиологической адаптации человека. О культуре в смысле высоких достижений нельзя говорить, когда мы рассматриваем номадов. Почему? Потому что культура в их жизни была вторична, она была производна от nomadного образа жизни. Номадный образ жизни был был абсолютным приоритетом, он был настолько сложен и труден, а рабочее время занимало практические все время функционирования этих индивидов – и поэтому на вне хозяйственных занятия почти не оставалось времени.

Все вне хозяйственных занятия носили характер ремесла, хобби. Они были одним из многих способов утилизации ресурсов среды обитания, но при этом носили дополнительный характер. Поэтому они никогда не были приоритетными, первичными, самостоятельными, независимыми от основной и трудоемкой жизнедеятельности скотоводства и номада. Характер развития этой культуры определялся не самими культурными тенденциями, а определялся образом жизни номадов, кочевым типом хозяйства. Образно говоря, если у номада оставалось полчаса времени заняться чем-то – ремеслом, промыслами или еще чем – он занимался. Но только если оставалось это самое время. Но в подавляющем большинстве случаев никакого времени у них не оставалось. Поэтому культура степи если и существовала, то только лишь как вторичное производное от номадного образа жизни явление. Но никогда культура номадов не была феноменальным, независимым, самостоятельным, уникальным явлением. И не стоит переоценивать и рассусоливать что либо по этому поводу. Это было очень просто, что осталось от хозяйственных занятий, то и осталось.

Если в условиях городской цивилизации существует разделение труда, то в условиях nomadного типа хозяйства такого никогда не было абсолютно. Все вместе и каждый в отдельности были озабочены, прежде всего, тем, как обеспечить свой скот во-

дой и кормами и как самим получить средства к существованию.

Если же мы хотим выяснить некоторые уникальные неповторимые черты nomadизма, то их надо искать только в двух сферах. Но сначала обозначим круг вопросов. Итак, что такое быть номадом, что такое быть казахом? Это значит: во-первых, иметь квалификацию скотовода, и во-вторых, иметь квалификацию nomada. Кто такой скотовод? Это человек, который знает, как выращивать, выкармлививать, лечить свой скот. Вот тут, несомненно, присутствовало высочайшее искусство, здесь была высочайшая культура. Как кормить, как поить, где выпасать, определить, где и когда будут осадки, какой будет травостой, как найти воду под землей и т. д.

Кто такой nomad? Это ориентация в пространстве: погода, климат, путь кочевок, знание особенностей почвы, мест водопоев и т. д. Вот в этих двух сферах кочевники, nomads, казахи обладали наивысшими практическими знаниями, которые накапливались на протяжении многих тысячелетий. И не просто накапливались – оттачивались, совершенствовались и передавались по наследству. Здесь наши предки были непревзойденными мастерами.

А все остальное, касаемо культуры – от лукавого. (Смеется).

– Так уж получилось, что в некоторой степени Вы предвосхитили следующий вопрос. В чем, на Ваш взгляд, причина того, что в XX веке казахская степь оказалась на положении культурного захолустья?

– Это естественный процесс. Потому что кочевники были неконкурентоспособны в своем развитии с оседло-земледельческими народами. Почему? Есть принципиальный аспект, который определяет темпы и уровень развития этих народов. Давайте их рассмотрим. У кочевников утилизация ресурсов среды обитания осуществляется с помощью скота, т. е., использование природных ресурсов осуществляется с помощью скота. Скот есть биологическое средство, а на

биологическое средство повлиять очень сложно. То есть, потенциал человеческого влияния на совершенствование данного средства производства очень ограниченный. Овца, извините, как три тысячи лет назад щипала травку, так и продолжает жить по этим же правилам до сих пор.

А что делали оседло-земледельческие народы? Они утилизацию ресурсов среды обитания осуществляли с помощью небиологических средств. Вначале соху, потом к сохе приделали железный наконечник – производительность труда выросла. Затем появился плуг – опять рост производительности. Изобрели трактор – производительность подскочила в тысячи раз. И так непрерывно. Небиологические средства труда подвержены процессу непрерывного усовершенствования и бесконечного развития. Тогда как потенциал совершенствования биологических средств у nomadов очень ограничен.

– Естественно ограничен.

– Конечно! И поэтому естественно, что кочевники были неконкурентоспособны в этом противостоянии цивилизаций и проиграли эту борьбу. И когда сюда пришли оседло-земледельческие народы – что они здесь застали? Заходулье, провинцию, периферию. Степь легко стала объектом присвоения крупных централизованных государств.

Нурбулат Масанов

Ночь моя собеседница

Ночь моя собеседница, она не предает, не прдаст никогда!

Нет одиночества, есть только творчество.

Идея ее и моя,

Что сидеть горевать, нужно двигаться,

Водой не утопить печаль,

Как только почувствуешь одиночество,

Зови, что есть силы, зови!

Она нежная, сильная, гордая,

но придет, если хочешь, спечи.

верь в эти встречи, поверь мне, дары ее

– открытия судьбы.

11.11.2005

